

ского /əi/ соответствует гласному [ɪ]; г) более закрытая артикуляция как первых, так и вторых элементов дифтонгов /au/ и /əu/ в канадском английском по сравнению с соответствующими американскими дифтонгами.

Дальнейшее изучение фактов сходства и различия сегментных единиц канадского и американского вариантов английского языка позволит, на наш взгляд, оценить не только степень близости их фонологических систем, но и внести определенный вклад в решение вопроса о статусе современного литературного английского языка в Канаде.

1. Focus on Canada. Edited by Sandra Clarke. John Benjamin's publishing company. – Amsterdam/Philadelphia, 1993.

2. Сохиева Ф.В. Канадский английский: миф или реальность? //

Канадский колледж. Сб. статей: К 5-летию основания. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000 – С. 63-67.

3. Gregg R.J. Canadian English Lexicography. // Focus on Canada. Edited by Sandra Clarke. John Benjamin's publishing company. – Amsterdam/Philadelphia, 1993. – P. 27-44.

4. Михалева Е.И. Фонетические особенности диалектно-окрашенной речи в аспекте её восприятия (перцептивно-фонетическое исследование на материале северных диалектов Англии): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2007. – 170 с.

5. Trudgill P., Hannah J. International English. – L., 1982.

6. Woods H.B. A Synchronic Study of English Spoken in Ottawa. Is Canadian Becoming More American? // Focus on Canada. Edited by Sandra Clarke. John Benjamin's publishing company. – Amsterdam/Philadelphia, 1993. – P. 151-175.

7. Woods H. B. A Socio-Dialectology Survey of English Spoken in Ottawa: A Study of Sociological and Stylistic Variation in Canadian English. Vancouver. – University of British Columbia, 1979.

М.Н. Шевченко

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

The article Gender researches in Linguistics tells about the history of gender researches in social sciences and linguistics. It reveals the main stages of gender linguistics and speaks upon gender differences in masculine and feminine speech.

Гендерные исследования не только самостоятельная область научных и образовательных интересов, но и собирательное понятие для современных гуманитарных теорий – экономических, социальных, политических, лингвистических и др. Все они по-разному интерпретируют проблему взаимоотношений полов и используют термин «гендер» [5].

Предметом гендерных исследований являются гендерные стереотипы – сформировавшиеся в культуре и обществе обобщенные представления или убеждения о том, как ведут себя мужчины и женщины. Так, мужчинам приписывается логическое мышление, а женщинам – интуитивное. Считается, что мужчина ориентирован на выполнение конкретной задачи, а женщина – на сам процесс решения задачи. Мужчина имеет больше власти и право повелевать, а женщина подчиняется мужчине. Мужчина сильнее, женщина – слабее и т.д.

В разных обществах гендерные стереотипы различаются, однако в каждой системе стереотипов асимметричны – мужчины и все «мужское/маскулинное» (черты характера, модели поведения, профессии и пр.) считаются первичными, значимыми и доминирующими. Женщины и все «женское/фемининное» определяется как вторичное с социальной точки зрения и подчиненное [9].

Современные гендерные исследования в языковедческой науке своим появлением обязаны феминистской лингвистике, или феминистской критике языка, которая возникла в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. в США и Германии.

Феминистская лингвистика подвергла критике язык за андроцентричность, проявляющуюся в преобладании мужских форм в языке, а также во вторичности и объективности женщин, совпадении во многих языках понятий «человек» и «мужчина». Так, в английском и немецком языке слова a man и der Mann обозначают «мужчина» и «человек». Имена существительные женского рода являются чаще всего производными от существительных мужского рода. Ярким примером этого могут служить существительные, обозначающие названия профессий. Так, в английском языке существительные waitress, actress, goddess являются производными от слов waiter, actor, god.

Феминистская лингвистика выступала против преобладания в языке негативных оценок женщин. В основе представлений феминистской лингвистики лежала гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа о

том, что язык навязывает говорящим на нем людям картину мира, в которой женщинам отводится подчиненная роль. Представительницы феминистской лингвистики предложили многочисленные рекомендации по изменению языка, в частности языковых норм [4].

Как было сказано выше, главной целью феминистской лингвистики стало разоблачение мужского доминирования в общественной и культурной жизни. Основопологающей в данной области стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины», в которой обоснованы андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке [3].

В историческом ракурсе развития гендерных исследований феминистская лингвистика относится к «алармистскому этапу» (60-70-е гг. XX в.), который постепенно сменился другими направлениями исследований – социолингвистическими, психолингвистическими, лингвокультурологическими. Особое направление составили мужские исследования, которые должны были дать ответ на вопросы, как конструируется обществом мужественность, какие типы ее существуют в данной культуре в данное время, как это сказывается на поведении людей, каковы нормы и требования к мужчинам и т. п.

Все указанные направления гендерных исследований, за исключением мужских, возникших несколько позднее, развивались почти в одно время, воздействуя друг на друга. Например, социолингвистические труды У. Лабова доказали социальную природу гендерных различий в использовании языка. Ученый опровергал гипотезу природной обусловленности различий в речи, в использовании языка у мужчин и женщин. Он доказал, что такие различия не носят абсолютного характера. Существует лишь более высокая вероятность того, что один вариант будет предпочтителен для женщин, а другой – для мужчин. При этом предпочтительность зависит от социальной группы, общественных ожиданий и других социальных, а не природных факторов [14]. Говоря об истории становления и развития гендерных исследований, необходимо упомянуть о «женских исследованиях», которые, хотя и развивались одновременно с феминистскими, но отличались от последних. Главное отличие заключалось в том, что представительницы «женских исследований» не были столь категоричны в отношении языка и его ориентированности на мужчин. «Женские исследования» занимались включением трудов, созданных женщинами, в учебные программы и курсы многих университетов Западной Европы и США. Кроме того, разрабатывались «гендерно-сбалансированные учебные планы» посредством введения в традиционные дисциплины новых знаний о женщинах. В университетах обсуждались статус женщин, явления дискриминации в публичной сфере и частной жизни, а также гендерные предрассудки, существующие в социуме, литературе и образовании.

Очевидно, что пол – одна из важнейших общественно значимых характеристик человека. Через него определя-

ются социальная, культурная, когнитивная ориентация личности в окружающем мире. Процесс ориентации человека в мире происходит посредством языка. Язык антропоцентричен, т.е. ориентирован на человека. Антропоцентричный подход к изучению языка предусматривает учет всех параметров человеческой личности, отражающихся в языке, в том числе и гендера.

Напомним, что под гендером понимается социокультурный процесс формирования (конструирования) обществом различий в мужских и женских ролях, поведении, ментальных и эмоциональных характеристиках, и результат данного процесса – социальный конструкт гендера [2].

На современном этапе развития гендерных исследований особый акцент делается на том, что гендер обусловлен биологически и социально посредством культуры. Таким образом, гендер является культурно и исторически относительным. Его значение, интерпретация и выражение могут быть различными как в разных культурах, так и рамках одной культуры.

В последнее десятилетие в отечественном языкознании отмечается бурный рост интереса к лингвистической составляющей гендерных исследований. По мнению ученых – А.В. Кирилиной, А.А. Логинова, О.А. Ворониной и др., – данные о языке, полученные лингвистикой, являются одним из основных источников информации о характере и динамике конструирования гендера. При этом язык рассматривается как инструмент, воспроизводящий гендерные стереотипы в социальной практике [5].

При изучении проблемы взаимоотношения языка и гендера ученые выделяют несколько направлений. Во-первых, выявляются вербальные стереотипы в восприятии женщин и мужчин, а также различия языковых уровней (фонетики, морфологии, семантики и синтаксиса). Во-вторых, выявляются семантические различия, которые объясняются особенностями перераспределения социальных функций в обществе. Данный подход связан с социальной природой языка женщин и мужчин. В-третьих, происходит построение психолингвистических теорий и когнитивное объяснение выявленных расхождений [8].

Рассмотрим каждое из перечисленных направлений подробнее. Выделение определенных различий в вербальных стереотипах и восприятии женщин и мужчин – важный аспект гендерных исследований. Характеристики, относящиеся к мужчине, оцениваются более положительно, чем те, которые описывают женщину. К данным характеристикам относят такие как «независимый», «деятельный», «компетентный», «уверенный в себе», «лидирующий в обществе», «честолюбивый» и т.д. Женщина характеризуется как безынициативная, неуверенная в себе, необъективная, зависимая от других, мягкая, тактичная, аккуратная, эмоциональная и т.д.

При изучении различий акустических характеристик ученые выделяют дифференциальные признаки, которые включают в себя «универсальную и специфическую информацию» [8]. При исследовании универсального слоя информации в области фонетики, выделяется прямая зависимость построения и оформления «мужского – женского» речевого высказывания от таких аргументов как возраст, воспитание, социальный статус, профессия, экономическое положение. Диалектная принадлежность мужчин и женщин, производительные особенности и влияние эмоционального фактора на порождение речи – также признаки универсального слоя.

К специфическому слою информации ученые относят тембр голоса, специфику оформления речевого высказывания, соотносящуюся с просодическим структурированием последнего, и сегментные особенности порождения речевого сигнала. В числе сегментных особенностей могут быть названы, например, артикуляторно-акустические особенности реализации вокализма и консонантизма.

Анализ гендерных признаков лексического уровня показывает, что мужчины в большей степени, чем женщины, восприимчивы к новым фактам в языке. Поэтому они употребляют, по мнению Spender, больше неологизмов, а также слов из терминологической и профессиональной лексики. Женщины в большей степени, чем мужчины, используют престижные формы слов, иностранные заимствования, оценочные прилагательные, например, *terribly nice, lovely* и т.д. По мнению Л. Хиршман, в англоязычном обществе женщина скажет *awful* или *pretty* вместо *very* и *so*. Было также замечено, что женщина использует чаще модальные глаголы в прошедшем времени (*might, would*). В женской речи, кроме того, чаще присутствуют вводные слова и сочетания, выражающие различную степень уверенности говорящей, а также ссылки на собственное или чье-либо другое мнение. Например (по Holmes), *probably, possibly, I think, to my mind*.

На уровне синтаксиса было замечено, что женщины и мужчины строят предложения по-разному. Ученые (О. Есперсен, П. Смит) установили, что мужчина вводит одно предложение в другое, «вкладывает их друг в друга». В женской речи отмечается сращение синтаксических структур, а также инверсии и эллипсис. Женщина чаще использует такие эмоциональные средства как ударение и интонация, а также задает вопросы там, где мужчина употребил бы императив. Ученые объясняют это тем, что женщина больше, чем мужчина, стремится к вежливости и корректности в речевом поведении.

Особенности языка женщин и мужчин объясняются, с одной стороны, биологическими различиями, разделением социальных сфер языкового общения, а с другой, – сферой языкового сознания. Анализ когнитивных процессов позволяет сделать вывод о гендерных различиях, пользуясь шаблонными концептами. Примером этого могут служить лексические единицы, выражающие концепты эмоционального состояния.

Так, по наблюдениям Л. Гласс, анализ языка мужчин показывает, что мужчины редко оперируют словами, соотносимыми с концептом «обожание». К таким словам относятся слова типа *adorable, charming, sweet*. Для мужчин в меньшей степени характерно выражение эмоциональной привязанности, – например, с помощью слов *darling, dear, my love, sweetheart*. Они избегают наслаивать эмоциональный опыт на когнитивный. Снижая значимость эмоционального опыта и отдавая предпочтение опыту когнитивному, мужчины избегают говорить о своих глубоких личностных переживаниях. Как считает Гласс, от женщин чаще можно услышать: «*I feel, I hope, I love*».

Таким образом, на сегодняшний день лингвистическая составляющая гендерных исследований сводится к изучению языка и отражению в нем пола (изучаются номинативная система, лексикон, синтаксис, качества, приписываемые мужчинам и женщинам, и их распространение в тематических областях языковой картины мира). Кроме того, продолжают исследования письменной и устной речи мужчин и женщин. Изучаются типичные стратегии и тактики обоих полов, гендерно-специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации, предпочтения в выборе лексики, синтаксических конструкций – специфика мужского и женского говорения.

Гендерные исследования в лингвистических науках охватывают широкий круг вопросов. Они рассматривают все способы языкового конструирования мужской или женской идентичности. В этом случае гендер осмысливается как конвенциональная сущность, в чем и состоит его главное отличие от пола как биологической категории. Кроме того, гендерные исследования в лингвистике предполагают изучение отражения гендерных отношений в истории языка, изучение пола как культурной репрезен-

тации в лингвокультурологии, а также лексикографическое кодирование единиц языка и многое другое.

1. Введение в гендерные исследования / под ред. И.В. Костиковой. – М.: Аспект Пресс, 2005.
2. Воронина О.А. Гендерная асимметрия. [Электронный ресурс] // Словарь гендерных терминов / ред. А.А. Денисова. Режим доступа <http://www.owl.ru/gender/index.htm>.
3. Гидденс Энтони. Социология. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.
4. Томская Мария. Лингвистические гендерные исследования. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.auditorium.ru/>
5. Кирилина А.В. Гендер и язык. – М., 2005.
6. Коноплева Н.А. Гендерные стереотипы. [Электронный ресурс] // Словарь гендерных терминов / ред. А.А. Денисова. Режим доступа <http://www.owl.ru/gender/index.htm>.
7. Котлова Т.Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов // Женщина в российском обществе. – М., 2001.

Н.Г. Архипова

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ АБСТРАКТНОГО ИМЕНИ В ТРАДИЦИОННОМ ФОЛЬКЛОРЕ (на материале русских заговоров от лихорадки)

The article is devoted to the analysis of ill names in the Russian folk text.

В статье устанавливается комплекс семантических элементов, из которых складывается система представлений о болезнях в традиционном языковом сознании русского человека.

Мифы о болезнях и смерти относятся к числу наиболее распространенных и древних. В центре их находится основополагающее представление о болезнях как о чем-то внешнем и чужеродном. Это неуправляемое явление, обладающее независимой от человека собственной активностью.

В древнейшую пору имя *лихорадка* связывалось со многими болезнями, – например, грыжей, рожей, горячкой, чахоткой и др. Число вызывающих различные болезненные состояния лихорадок, по поверьям, может варьировать от семи (редко – от трех) до 77 (до 99) [1, с. 121].

По народным представлениям, обычно сестер-лихорадок двенадцать. Возраст лихорадки характеризует качества ее характера. Старшая из них – самая злая: *«Имя мне Тайная: Разные скорби и невиданныя творю, я же хитрая, мудреная, неисповедимая, недогадываемая, несказанная, неизвестная; никто не может меня познати, и доведатися, и болезни мною творимой никаких врачествъ прибрати, исцеляти, яже лекарствъ Божества и ничего не боюсь, сама желаю, прошу, все, что хочешь принимаю и сижу, я же самая сильная, крепкая, таюсь, кроюсь, креплюсь, перехожу и творю, что бесы творять, только отъ сего заговора изыду»* [2, с. 274].

В русских поверьях и заговорах лихорадки ассоциируются с проклятыми «дщерями Иродовыми» (падчерицами Ирода, правителя Галилеи), считающимися губительницами Иоанна Предтечи [1, с. 122]. В текстах заговоров от лихорадки повествование часто ведется от первого лица и болезни дают сами себе характеристику: *«Есть мы царя Ирода дщери, идемъ на весь мир кости знобить, тело мучит. Или: имя мне Смертная: Та буде всехъ проклятий на болящемъ человекомъ страшная, плясовица, и представница, и угодница Ирода царя, та усекнула главу Иоанна Предтечи, и принесла предъ царемъ на блюде»* [2, с. 118].

Лихорадки действительно, как это известно и в медицине, очень близки к горячкам. Те и другие по большей части результат простуды или появляются вследствие расстройства здоровья. Лихорадка вообще более всего распространена у жителей приморских стран, а также в странах, где большое количество болот. Поэтому, может быть,

8. Потапов В.В., Потапова Р.К. Язык, речь, личность. Языки славянской культуры. – М., 2006.

9. Синельников А.В. Маскулинность (мужественность) [Электронный ресурс] // Словарь гендерных терминов / ред. А.А. Денисова. Режим доступа <http://www.owl.ru/gender/index.htm>.

10. Трофимова Е.И. О концептуальных понятиях и терминах в гендерных исследованиях и феминистской теории // Женщина в российском обществе. – 2000. – № 4.

11. Хрестоматия по курсу «Основы гендерных исследований». – М.: МЦГИ, 2000.

12. Ярская-Смирнова Е.Р. Женские и гендерные исследования за рубежом [Электронный ресурс] // Словарь гендерных терминов / ред. А.А. Денисова. Режим доступа <http://www.owl.ru/gender/index.htm>.

13. Lakoff Robin. Language and women's Place // Language in Society, 1973.

14. Labov William. Variation in Language // Carrol E. Reed (ed.). The Learning of Language.

народная поэзия создала миф о лихорадке, непременно возникающей или из Черного моря, или из моря-океана [3, с. 349].

Н. Забылин отмечает, что «по народным представлениям лихорадки крылаты, их земля держит в своих челюстях на цепях, как ненавистниц человеческого рода. Но когда их спускают, то эти девы без милости нападают на людей. Они столь вредны, что когда им много дела, то они одним мечтательным поцелуем причиняют трясовицу и обитают в одержимых лихорадками. Удачлив тот, к кому прикоснется лихорадка в то время, когда и без него много больных. Будучи заняты делом, перелетая от одного к другому, лихорадки не поспевают трясти безостановочно, а дают время отдохнуть болящим. Вот этой занятости и объясняет народная фантазия лихорадки перемещающиеся». Исследователь указывает, что «сестрицы эти, по нежности восточного происхождения, слишком брезгливы: они боятся собачьих удавок, свиных гнезд, блох, если кто съест, абракадабры (песни ведьм), заговоров. Сибиряки, страдающие лихорадкой, перед ее приходом зачернивают у себя лицо, а иногда и все тело, и надевают на себя чужую гуно, дабы этот злой дух его не узнал или, испугавшись его, отстал» [3, с. 273].

В заговорах персонифицированные образы Лихорадки могут получать названия следующим образом:

1. По признакам, симптомам болезни, самочувствию больного, проявляющемся в:

цветовом проявлении – Бледная (от прил. бледный – «слабо окрашенный (без румянца)»); Белая (от прил. белый – «цвета снега или мела»); Желтая (от прил. желтый – «цвета песка, становиться желтым, желтеет; насыпать желтуху»);

«температурном» проявлении – Огня (от сущ. огонь, т.е. больной испытывает состояние жара); Ледиха (от сущ. лед – больной испытывает состояние холода; насылается озноб);

способе двигательной активности по отношению к человеку – Кашляя (от гл. кашлять), Душляя (от гл. душить), Сонляя (от сущ. сон; насылают сон), Пухляя (от гл. пухнуть), Глохня (Оглухица) (от гл. глохнуть), Корчяя (от гл. корчиться), Трясовица (Тресея), Ломея (от гл. ломать; кости и тело ломит), Томея, Дрожжалка.

2. По месту «обитания» в человеке – Грудея, Глазная, Горлея.

3. По обстоятельствам, при которых она произошла, и по времени, в которое случилась, – Перемежающая, Полуношница, Дневная, Весенница, Переходная, Утренница, Часовая, Минутная, Секундная.

4. По «внешнему виду», облику – Космея, Безобразная, Скарелная, Простоволосая, Простополая, Баба-беловолоска, Девка-простоволоска.

Несмотря на то, что слова эмоционально-оценочной сферы не являются именами как таковыми, они становят-